

На смерть Валентина Яковлевича отозвалась вся просвещенная Россия. От его родного Пскова до Владивостока.

«КРИК, НЕ ПРОНЗИВШИЙ ДРУГОГО СЕРДЦА, — НЕ КРИК»

Творческая деятельность Валентина Яковлевича долгие годы была связана с Алтаем. Он был дружен с писателями Владимиром Башуновым, Александром Родионовым, со священником Михаилом Капрановым. Не раз приезжал на Шукшинские чтения. Гостил в селе Никольском Советского района, где Виктор Петрович Астафьев писал «Прокляты и убиты».

С начала 1980-х Валентин Яковлевич публикуется на страницах журнала «Алтай». С 1990-го по 1994-й сотрудничает с газетой писателей Алтая «Прямая речь», главным редактором которой является

Владимир Башунов. Вокруг серьезного патристического издания собирается артель единомышленников. В редколлегию входят писатели Иван Березюк, Виктор Горн, пскович Валентин Курбатов, Александр Родионов, священник Михаил Капранов, учитель-словесник Георгий Карпов. Все хорошо знают и уважают друг друга. И даже Валентин Яковлевич из псковского далека имеет представление о каждом человеке в барнаульском «литературном штабе». Более того, Курбатов способствует их знакомству: он свел отца Михаила Капранова с писателем Виктором Петровичем Астафьевым, а позже — с поэтом Владимиром Башуновым.

«Пряморечисты» имеют собственные воззрения не только на вопросы культуры, литературы, православия, но и — государственного строительства. «Могучая кучка», пренебрегающая девятибалльным либеральным штормом, осмеливается говорить

Слева направо: псковский священник отец Владимир (Попов) с матушкой Еленой Шаховской, Валентин Курбатов, матушка Галина Капранова и отец Михаил (Капранов), Оля Капранова. 1980-е

Валентин Курбатов и Владимир Башунов. Все фото из личного архива Валентина Курбатова

о вечных ценностях и вечной России, идти против мейнстрима. Штучные люди. Неформальные лидеры. Национальная элита.

...Валентин Курбатов выступает на страницах ПР с циклом эссе о русских мыслителях. Начинает с Пушкина, и далее — Василий Розанов, Павел Флоренский, Владимир Соловьёв, Иван Аксаков, Николай Данилевский и другие — больше 20 статей. Тексты иллюстрируются знаменитыми литографиями Юрия Селивёрстова, написавшего, по словам Курбатова, «иконостас русской мысли». Барнаульская писательская газета для Курбатова является в некотором смысле душевным укрытием, о чем сообщает он в письме Виктору Петровичу Астафьеву: «Прячусь пока за маленькие заметки для башуновской «Прямой речи» о П. Флоренском, С. Булгакове, С. Франке». «Порой невольно начинаешь думать, что русские философы проходили через неверие, через сознательно избранный атеизм в утешение нам. Чтобы нам было легче перешагнуть свое подчас извинительное безбожие, ибо мы не ведали света просто потому, что от рождения жили во тьме (во скольких городах России вообще не было храмов?)», — так начинает Валентин Яковлевич свое эссе о Владимире Соловьёве.

С 2015 года и по настоящее время Валентин Курбатов входил в редакционный совет литературного журнала «Алтай». В своем почтенном возрасте он по-прежнему много работал. И всегда писал притягательно, вдохновенно, честно. Язык его произведений необыкновенно богат, пластичен, точен. Слова его не зашарканы. Они свежи и чисты — идут от сердца.

Накануне своего 81 дня рождения (28 сентября 2020 года) Валентин Яковлевич зарегистрировался в «Фейсбуке». Его страница существовала и раньше, но вел ее кто-то другой. А тут Курбатов появляется лично. Он оставляет комментарии в лентах друзей под темами близкими ему, они же — часто тревожные, больные. «Крик, не пронзивший другого сердца, — не крик, а «художественное высказывание», —

Валентин Яковлевич Курбатов

29 сентября 1939, Салаван Куйбышевской области — 6 марта 2021, Псков.

Советский и российский литературный критик, литературовед, прозаик, член жюри литературной премии «Ясная Поляна». Член Президентского Совета по культуре. Лауреат Государственной премии Российской Федерации (2020).

Автор книг о писателях Михаиле Пришвине, Викторе Астафьеве, Валентине Распутине, художнике Юрии Селивёрстова, директоре пушкинской усадьбы «Михайловское» Семёне Гейченко, а также следующих книг: «Перед вечером, или Жизнь на полях» (2003), «Крест бесконечный. Переписка с В.П. Астафьевым» (2003), «Уходящие острова. Переписка с А.М. Борщаговским» (2005), «Подорожник» (2006), «Наше небесное Отечество» (2007), «Долги наши» (2007), «Нечаянный портрет» (2009), «Турция. Записки русского путешественника» (2009), «Батюшки мои («Вниду в дом Твой»)» (2013), «Пушкин на каждый день» (2014), «Дневник» (2019).

написал Валентин Яковлевич под одним из постов. — У нас отняли небесное слово, сделал его «средством самовыражения», а не исповеданием веры. И самую Истину в «месседж» переведут. И, страшно сказать, в этом есть и наша вина. Не замолчали в свой час, не закричали: «Да вы что, не видите, что слово закапывают живым?»»

Он отчаянно пытался докричаться до нас. И эти последние полгода его прямого общения с нами нужны прежде всего нам. Ради его наказов и благословения нужны. «Читать и думать», — как сказал об одном из текстов Курбатова молодой алтайский писатель Станислав Колокольников.

И в либеральные девяностые, и в наши дни Валентин Яковлевич Курбатов воспринимается в лагере патриотической русской интеллигенции как кормчий, как лидер. Ему верят, в его высказываниях черпают надежду.

«ПРИНЯЛИ АЗБУКУ ВМЕСТЕ С МОЛИТВОЙ»

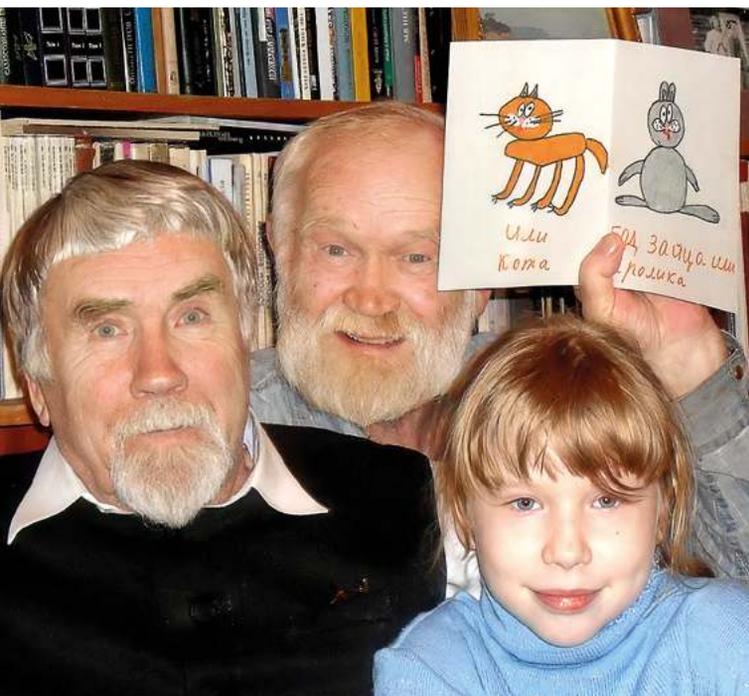
В августе 2013 года мне случилось быть в Пскове. Об интервью с Курбатовым я договорилась заранее. Запись на видеокамеру проходила в церкви Святой Великомученицы Анастасии Узорешительницы, прихожанином которой был Валентин Яковлевич и в которой 8 и 9 марта 2021 года с ним прощались, а 10 марта отпевали. И настоятель храма отец Евгений (Ковалев) назвал Валентина Яковлевича «Апостолом», явленным в наш мир.

А в 2013-м разговор шел об угасшем празднике славянской письменности и культуры и о современной литературе, конечно, тоже. Интервью публикуется впервые.

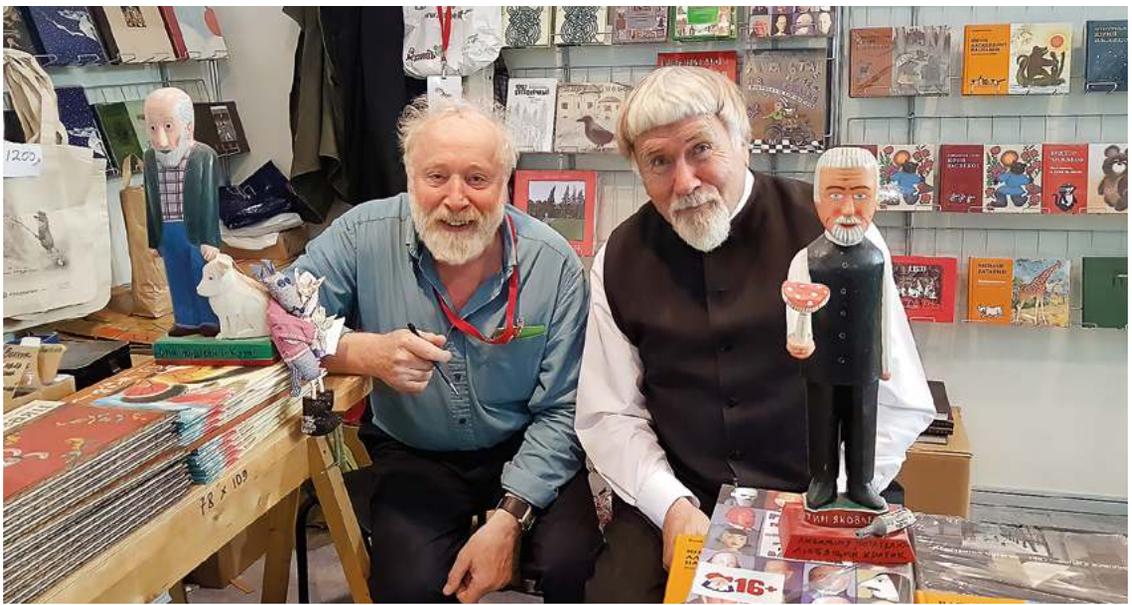
— Что потерялся праздник славянской письменности — это чистая правда. Я не был на первом празднике в Мурманске. Сочинял его Виталий Маслов, Царствие Небесное. Сам, один человек придумал, секретарь писательской организации в городе Мурманске. Сам поехал в Болгарию, сам привез оттуда изображение Кирилла и Мефодия и пронес по всему Мурманску. И собрал всех

сразу, и все поняли, что рождается какой-то необходимый праздник. А уж далее со второго праздника — в Новгороде — я был. Он был огромен и прекрасен. Потому что всё туда слеталось. И великие писатели. Тогда еще были великие. Был Виктор Петрович Астафьев, Василий Иванович Белов, Сергей Павлович Залыгин, Никита Ильич Толстой из лингвистов великих, последних, русской школы. Это было настолько живо, естественно, жадно принимаемым, словно мы действительно только опаматовались после возвращения нам неизвестно кем свободы. И после того, как мы чуть-чуть пришли в себя, еще все было полно, как при оттепели в шестидесятых. Все было полно восторгом, радостью, жадностью. Мы проснулись русскими людьми. И это было такое ощущение полета и счастья непрерывного, что казалось: так и будет теперь. Новгород кипел. Все в нем двигалось и жило. На будущий год это происходило в Вологде. Это было уж совсем замечательно. Вся вологодская земля поднялась, кажется, нам навстречу. И маленькие города, и большие — всё слеталось. В Минске, Смоленске праздник еще жил. Это было интенсивно, мощно, собирательно. Постепенное угасание, как мне кажется, объясняется тем, что радость наша померкла. Мы перестали себя чувствовать русскими людьми в совершенном воплощении. Что-то случилось. Свобода нас отравила. В самом начале она была русской «свободой и волей», а теперь оказалась непонятно чьей, какого-то безобразного цивилизованного перевода. Отравились ею, и стали отмечать праздник славянской письменности отравленным сердцем. Стали отмечать его как мероприятие. Даже уже во Пскове было мероприятие. Потом в Киеве — мероприятие. Что нужно сделать, чтобы он вернул первоначальное значение? Для этого надо опять стать русскими людьми. Вспомнить, что это за ответственное служение быть русским человеком перед вызовами мира. Мы же видим всеобщее сетование сегодня, вот де как оподлился мир. С русским человеком что произошло? Расшатавшаяся, потерявшая себя душа, без отчетливой идеологии, без отчетливого духа. С какой-то пока еще не очень твердой церковью, которая, как Толстой назвал, «православная из приличия». Какие-то номинальные христиане. Чтобы вернуть, нужно осознать это ощущение происшедшего с нами духовного опустошения и попытаться выбраться, увидев, что не только мы, но и мир находится в этом же состоянии. Он также увяз в цивилизованном своем болоте, внешне благополучном, сытом, но внутренне таком неуверенном. Видим мы это по всем кризисам, цветным революциям. Мир стоит на чем-то очень шатком и не твердом и не знает, куда ему идти дальше. А дальше нам Лев Николаевич Толстой про все это сказал. Когда Андрей Болконский бежит на Аустерлицком поле и падает вдруг со знаменем в прекрасном мундире и видит небо над собой. И говорит: «Что это? Почему я не видел этого никогда?» Он увидел то, что мы до сих пор не видим.

Мир как будто прошел горизонтальную часть своего развития. Он перестал идти вперед. А ходит по кругу: революция — контрреволюция, реформация — контрреформация. Одно и то же. И уже от этого устал. Остается только однажды услышать Толстого. Упасть со знаменем желательно однажды, а не без. И увидеть, что у нас еще есть вертикальный путь. Мы сами из себя крест представляем, своим распятием, своей фигурой, когда раскинем руки. Горизонталь мы прошли. Пора поднять глаза к небу и попытаться... Но мы так не хотим этого. Потому что путь вверх он настолько труден и требует усилия, а мы уже расслабились

Валентин Курбатов, Александр Родионов, внучка Валентина Яковлевича. Фотография сделана во Пскове 7 января 2012 года

и нам нравится в нашем ослабленном существовании. Мы поругиваем правительство, президентов, считая их повинными во всем, между тем как сами давно запустили свой дух.

Праздник славянской письменности и культуры необычайно важен и значителен. Если бы каждый раз мы вспоминали, что и сама-то письменность в России принесена Кириллом и Мефодием на страницах Евангелия. Мы единственные, наверное, из всех языков мира приняли азбуку вместе с молитвой и стали говорить на евангельском языке: Аз Бог ведомый...

Так вот нам придется вспомнить, если мы хотим сохранить себя народом достойным, придется вспомнить азбуку в ее первоначальном значении. И Кирилла, и Мефодия тоже, не отделяясь памятниками. Это мы сейчас делаем везде. Мы прекрасно издали всю русскую мысль: Леонтьев, Данилевский, Чаадаев, Киреевский, Хомяков — не наглядеться. Но следовать ей никто не собирается. Мы поставили памятник Столыпину у здания правительства, но и реформам Столыпина никто следовать не собирается. Зачем? Мы ж тебе, старик, памятник поставили, что тебе надо!? И мысль русская: ребята, смотрите в каких переплетках вы у нас стоите на полке, какие красавцы, любо-дорого, с золотым обрезом. Что еще надо? А надо просто последовать. Попытаться. А это трудно. Сама история, судя по всему, заставит нас рано или поздно вступить на путь духовного труда. А не отделяться памятниками и публикациями.

Вместе с азбукой мы приняли громадно развитую духовную культуру. Без малого тысячу лет существующее христианство. Уже выработанную мощную догматическую, законотворческую деятельность. Мы приняли Византию во всем ее царском расцвете. Рим, Византию, Грецию — всё приняли с этой азбукой. Мы стали цельной частью мирового культурного пространства. Почему так гордо сразу заявили после падения Константинополя: два Рима пали, а третий — Москва — стоит, а четвертому не быть. Это здесь у нас в тридцати верстах от этого места, где мы сидим, написано старцем Филофеем в Спасо-Елисаветинском монастыре, воскрешенном совсем недавно. Мы получили институт развитой царственно-христианской культуры в пору ее самого симфонического существования, когда государство и церковь были еще тем единым мощным

слитным сплавом, который держал культуру на поднебесной высоте. Это нам было подарено Кириллом и Мефодием, за что мы должны паки и паки благодарить. Меж тем сегодня национальное самодовольство, не имеющее под собой никакого основания, отказывается от наследия Кирилла и Мефодия, говоря, что мы сами по себе, у нас свои черты и резы, у нас свой Ярило. Старейший город, на здании вокзала латиницей написано: Слава Яриле. Это отражение того, что в нашем сознании происходит, латинизированном и языческом, одновременно. Мы сами себя вычеркиваем из великой христианской наследованной культуры.

И литература сегодняшняя, как поглядишь на нее, тоже уходит далее и далее от высоких корней. Она щегольская, умная, тонкая, блестящая, ушедшая по пути не Толстого, Достоевского, Бунина, а скорее, по пути Набокова и Бродского — аристократическая, общеевропейская, но уже мало коренного, мало русского. Уже чуть стесняющаяся своей рускости. Это следствие одного процесса. Вступаем в ВТО, во все остальные всемирные организации, тем самым вступаем в это пространство и культурно, не замечая, что отрицаем свою собственную великую традицию.

«И ОЧЕНЬ ТОСКУЮ ПО АЛТАЮ».

Из переписки

17.02.17

Культура-то алтайская какова в Вашем журнале! Не наглядеться! И с Володей Башуновым наговорился, и с Витей Горном, и с Женей Гуциным, и с Сашей Родионовым. Вон каков он на лошади-то!

Эх, мы бы с ним погоняли — вот Вам подтверждение. Это мы с В.И. Толстым в Ясной Поляне собрались поскакать по окрестностям.

28.09.17

Журналы вчера пришли.

Так хороши, что хоть бросай все и переезжай на Алтай и пиши, пиши, пиши. Участвую в Культуре Алтая. И тебе выпадет счастье быть напечатанным и даже снятым на карточку, как Женя Водолазкин. А меня тоже иногда снимают. И даже с великими, как вот тут с Норштейном и Толстым. Я надуваюсь и горжусь.

29.12.17

Давайте, Лариса, восклицать, друг другом восхищаться!

И вот увидите, что и другие начнут, глядя на нас, восхищаться друг другом.

И мир будет спасен. И будет спасена любовь. И общее счастье.

И никакая политика и расчет не победят нас, потому что нельзя победить беззащитность.

С Новым годом!

Господи, увидиться бы еще и обняться!

14.01.18

Тук-тук... Можно?

Поглядите, Лариса, вот эти малые рассказы Красноярского священника Виктора Теплицкого. Священник-то священник, но слух какой!

12.05.18

Нет, Лариса, не смогу я быть у Василия Макарыча.

В то же время отмечается столетие города Чусового на Урале, в котором прошли мои детство и начальная юность. Я теперь там «почетный гражданин», как и Виктор Петрович Астафьев. Вот и хочу съездить проститься и с детством, и с Виктором Петровичем.

25.05.19

Не мучайте меня, милая Лариса!

Врачи уже не допускают мысли о самолете, а на поезде я сам с ума сойду.

Я здесь в библиотеке покажу свою давнюю алтайскую передачу «По улице Шукшина» и мы поговорим о Василии Макарыче со здешними мужиками и бабами. И это будет важнее для памяти Василь Макарыча и он сам Бог даст благословит нас.

А Вас жду каждый день, не отходя от окна.

Здесь еще нет-нет ораторствую. Вчера вон про Кирилла и Мефодия говорил со студентами, улыбаясь, что вот они только закончили в нашем университете Ганзейские дни и блестяще выступили на своих нетворкингах, воркшопах, кессчейнджах, стартапах (это все было так обозначено в программе) и теперь пытаются вспомнить родные «понеже» и «како» и «дондеже есмь».

Я вот и сам уже «понеже» и «иде же несть», а ребята вон уж и Макарычу повезут нетворкинги и воркшопы вполне нового миропонимания. Чего тут делаешь? «Нам время тлеть, а им цвести», а Виктор Петрович сказал бы даже «имя цвести».

03.07.19

Нет, милая Лариса, не приеду. А вот карточки буду ждать. И Никольского, и Сросток, а может, и Смоленского — некогда дорогих мест, которые мы навещали с Виктором Петровичем.

Даже вот и по скайпу не общаемся. В нашей библиотеке, где таковой есть, — теперь большой ремонт. А дома у меня этой игрушки нет, потому что деревня и дурак.

Поездка далась тяжело и теперь уж до осени, до заседания яснополянского жюри в Ясной, никому не тронусь. А там сложу с себя полномочия, чтобы окончательно не возненавидеть литературу из-за принудительного чтения. Я ведь за лето прочитываю столько, сколько другой за жизнь. А мог бы еще что-то свое сочинить, но уж так отравлен, что все слова позабыл. И все буду выглядывать на дорогу — не пылит ли алтайский возок...

30.07.19

Нагляделся, наслушался.

Господи, а улица-то Тырышкина в Никольском все та же, где мы сживали с Виктором Петровичем на крыльце за долгими разговорами, когда Володя Кузнецов снимал о нем «Жизнь на миру», а мне надо было «заводить» Виктора Петровича, чтобы навести на нужную тему. А только надо было снимать-то все на крыльце, где он под взглядом Тани Андросовой преобразался и уж пел так пел. А вечерами под рюмочку пел еще и Шахматов. Профессионал. Бас из Австралии. Бабы, пришедшие попеть для Виктора Петровича, прямо сжались, когда он ахнул такой шалаяпинщиной, что и Виктор Петрович, жалея баб, поторопился угомонить: «Хватит! Хватит! Умешь!»

И как хорошо, что я не поехал. Как бы пережил встречу... Разве что попел бы частушки с картинками и тем спасся. А от воспоминаний и просто бы умер, потому что и село стало родным, и поля за ним, и дали без края...

Спасибо и спасибо за нечаянное свидание... Да хорошо, что и Мишу Тарковского повидал, и Толю Заболоцкого.

18.11.19

И журнал поглядел с радостью — всё свой народ: Толя Кириллин, Коля Гайдук, Ваня Клиновой...

Словно я и не уезжал ни с Алтая, ни из Красноярска. А теперь уже только вздохнуть и надеяться разве на встречу в Царствии Небесном.

Я за это время скатался в Берлин поумничать там по их приглашению про Пушкина. Берлин показался Бийском, женатым на Никольском, — тихо, уютно, провинциально, хотя одно население мраморных и бронзовых статуй на крышах и улицах превышает население Барнаула. Но странно, что было именно домашне покойно. Минск рядом показался европейской столицей.

А еще в Москве умничал в Доме кино про Слово и Образ и представлял свой «Дневник» в Доме Лосева.

Теперь вот полеживаю на боку и прячусь от разных заказчиков, которые просят о том и об этом.

На пензию хочу!

Обнимаю. И все поглядываю в окно — не едете ли повидать Псков.

29.12.19

Но-вы-ый го-о-д настаёт!

И опять отчего-то больше хочется ворчать, чем восклицать.

Ишь настает он, «с наступающим!» Наступает и наступает, а мы пятимся и пятимся. И еще заискиваем. А нет чтоб сказать: Встанем как один, скажем: «Не дадим!»

И пусть он побудет нами с нашим вечным ожиданием какой-то таинственной полноты, которая не будет подгонять нас. Ни нашей, ни его заслуги нет в его новизне. Он просто дан — чего его поощрять-то? Как всякий очередной день.

Правда есть только во второй части восклицания: «С новым счастьем!»

Тут хоть слышна благодарность Господу за ежедневное счастье быть, за Его дар нам, дуракам. Это после Рождества можно ликовать, что вот опять нам даровано спасение, опять нам отпущен новый год нашей возможности сделаться Господними детьми, хотя мы уже знаем, что нам опять что-то (кроме нас самих) помещает на пути устройства души.

Ладно, разумничался он тут.

Обнимемся, Лариса, и опять в труд дня, в счастье повседневной скуки и вечного беспокойства, что опять не успели того и вон того.

В счастье жить!

Ваш старый, как уходящий год, Курбатов.

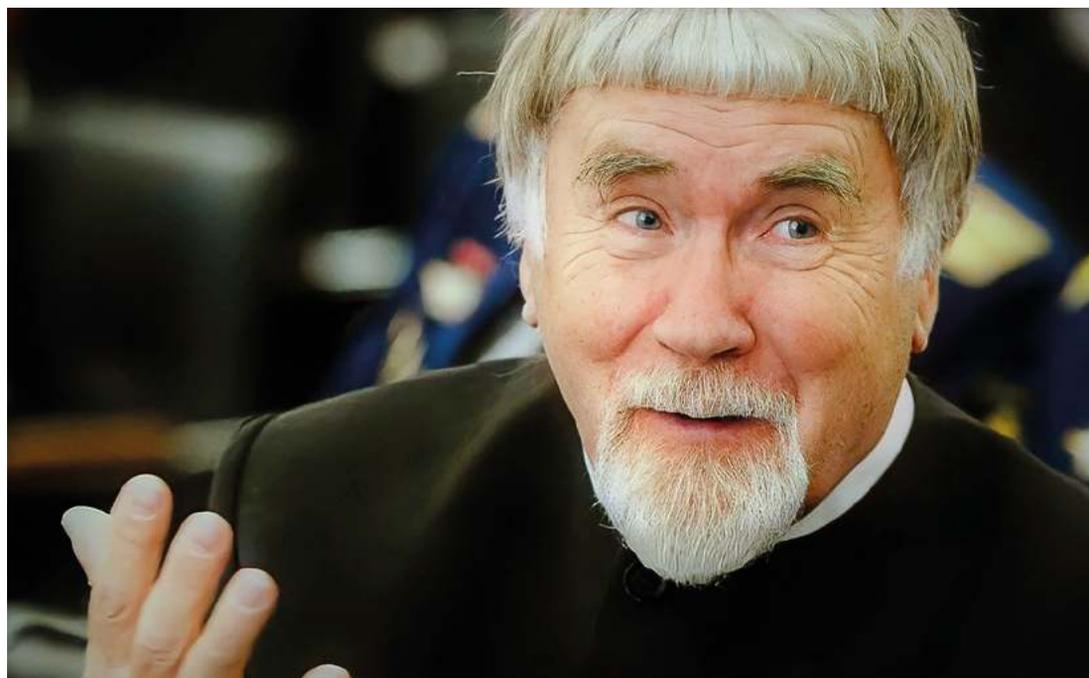
06.04.20

Писать — ничего не пишу. Кажется странным взять и написать: «автор отразил...» Это посреди общего безумия кажется самым безумным...

08.04.20

Вот попечалился на молчание, а заглянув себе в «загашники», увидел не напечатанную в Красноярске, для которого назначалась, статью о переписке В.П. Астафьева и Константина Воробьева. В год Победы она была бы очень уместна.

И мне, грешному, жаль, что тогда в Красноярске не нашлось места. «Енисей» был на мели, а для газет «толстовато». А ведь о солдатах. И о солдатах великих.

Валентин Яковлевич Курбатов (1939 — 2021)

26.05.20

Материал в полосе хорош. Я выпятил пузо и хожу горжусь.

Рассказ девочки о Володе Башунове тоже прочитал.

Обнимите ее. Как бы я мечтал поклониться ему. И вроде вот зовут в Сростки не первый год. Но уже боюсь, что не хватит физических сил.

05.09.20

...Время тотальных заимствований, опирающееся на недостаточность тиражей, — никто за руку не поймает. Время, когда книга становится «рынком» — сегодня сочинил — завтра продал, потом будет поздно. Я вон, когда узнал, что NN написала 138 книг, даже засмеялся: во как надо работать!

Слово обесценилось и вытерлось, перестало быть «авторским», «личным» — бери и используй — только не ленись переставлять слова. А у Саши [Родионова] еще было единичное, сильное, «не литературное», а живым живое. А уж теперь и читатель привык к языку полегче — Макдональдс литературный.

Вот тоже попытался написать кое-что про яснополянский «длинный список» и чувствую — увяз. Теперь надо полегче. Ну, посмотрю в Ясной через три дня, как товарищи поглядят.

31.10.20

Во! Это я большой палец показываю после просмотра номеров.

Вот странность — на общее состояние литературы ворчу, а порознь в журналах многое прекрасно. Может быть, оттого, что порознь, что все немножко врозь.

Общего внутреннего единства нет. Да и откуда его возьмешь, если его в стране нет.

Ну, ладно. Это я опять за свое. Все еще чтение «Ясной Поляны» из головы нейдет. Наворчал вот тут про это чтение.

Решил понемногу взяться за свою переписку. Хотя и страшно. Там столько папок, что отшатнешься и побежишь сжигать. А жалко. Вон свои письма

к Конечному, которые мне его вдова передала, перепечатал и читаю, как новость, как чужое, — настолько все позабыл.

27.11.20

Нашел, Лариса, в своем архиве карточку молодой поры, когда мы познакомились с отцом Михаилом Капрановым. Он приезжал с матушкой и дочкой к своему псковскому другу — отцу Владимиру Попову.

А уж потом мы затеяли переписку и я свел его с Виктором Петровичем Астафьевым, за что потом (чтобы не влиял вредно на писателя) его и сослали на Алтай. Он отпевал покойную дочь Виктора Петровича и вообще любил его и гордился, и этой любовью и «вливал». А уж потом я сводил его с Володей Башуновым (сводник какой!).

Обнимаю Вас. И очень тоскую по Алтаю. Но уже теперь, похоже, увижу его только в Царствии Небесном, где обниму Володю и попрошу благословения у отца Михаила.

Ваш В. Курбатов. ❧